

АЛЕКС ОГОЛТЕЛЫЙ

Это – не признание в любви. Не претензия на истину. И не попытка очернения. Это просто хрен знает что – памяти Алекса Оголтелого. Изложенное ниже может оскорбить ваши нежные души. Рассказ основан на моих полустертых воспоминаниях, эмоциях и непроверенных фактах и никак не может считаться биографическим эссе. Тексты Оголтелого я тоже воспроизвел по памяти. Извините, если что.

В последние годы жизни Алекс Оголтелый (в миру Александр Львович Строгачев) напоминал безумную старушку-бомжа. Было две таких городских сумасшедших бабушки, встреча с которыми в центрах доставляла истинное удовольствие любому гурману-визуалу: Алекс и гениальный композитор Олег Каравайчук. Но композитор был приличной старушкой, а Алекс – бомжихой-клоунессой, только что выбравшейся из грязного подвала. Но в каком бы ужасном состоянии он ни находился, это нисколько не влияло на бодрость его духа. Он был Джокером до Джокера, чертовым петрушкой и в жизни, и на сцене. Бешено дергающейся веселой марионеткой с вечно выпученными глазами и стоящими дыбом волосами, местами выбритыми, местами крашеными. В любом состоянии, под любыми препаратами при встрече Оголтелый моментально узнавал меня и тут же делился своими насущными новостями. Этот неутомимый чертик всегда либо записывал, либо только что записал «самый охренительный» альбом (песни

из которого а капелла могли быть тут же исполнены в парадняке, на Невском, или вестибюле метро), ну и, конечно, всегда был готов выпить с тобой по этому поводу. Ну а если ты не хотел выпить, можно было просто дать Алексу денег. Ну а как не дать такому красавцу.

Помню, как я увидел его в первый раз. Незабываемое зрелище. Мы были в гостях у одноклассницы Аньки Лавровой (учиться в школе оставалось полгода), и там же, в волшебной квартире на канале Грибоедова, где проживало третье поколение художников, одновременно с нами тусовалась безбашенная компания старшего брата именинницы – Феди. Он тоже раньше учился в нашей школе, но ему там стало очень скучно. Фебина творческая душа рвалась наружу, одноклассники не разделяли его музыкальных вкусов и свободолюбивых взглядов на жизнь, и в результате он оказался в другой школе, среди подобных изгоев. Там он познакомился с Резиновым Рикшетом и Юрой Скандалом, понял, что он панк, и стал Котом Бегемотом. Но самым ярким пятном на совести строителя коммунизма в этой компании был не Федька, не Ослик, и даже не Пиночет, а мелкий бес – Алекс Оголтелый. От него невозможно было отвести глаз. Ростом он был чуть выше крупного зайца и ни секунды не стоял на месте. Он сразу начинал общаться с тобой как с лучшим другом, хотя был явно старше лет

на пять, в то время это была настоящая пропасть, но только не для Алекса. Особо меня поразило, что на Алексе было надето три пары штанов! Три! Я в жизни больше не видел человека, скачущего по квартире в трех парах штанов. И мы скакали вместе с ним, зараженные его бешеной энергией и свободой, совершенно невозможными в 1983 году в стране, упорно строящей коммунизм из серых невзрачных кирпичиков.

Тогда я первый раз увидел живьем (а не в «Международной панораме») людей, нагло и беспепелляционно называющих себя панками, советскими панками, черт их побери. Вслушайтесь только в эту адскую музыку слов. Хотя никакого бравирования именно панк-стилем не было, Федькина компания называла себя по настроению то панками, то битничками, то какими-то загадочными «плютиками». Может, плютики взялись от знаменитых Карлсоновских «плюти-плюти-плют»? Они были похожи на родственников Карлсона: взрослые (для нас) люди, которые, нарочито идиотничая, бесились, как дети в детском саду. Они играли. Играли музыку, играли словами, играли со своим внешним видом, всеми силами пытаясь эпатировать, шокировать, расшевелить наше заскорузлое унылое болото. Больше всего они были похожи на перемещенных во времени футуристов и чинарей, и я думаю, что братья Бурлюки, Маяковский и Хармс со товарищи прекрасно влились бы в эту тусу. Но главное в них было не эпатаж, а творчество. Они писали песни и записывали их прямо на этой квартире. Посреди комнаты с ободранными обоями стояла барабанная установка, составленная из огромной замотанной скотчем «бочки» и разнообразного железа, там же жили комбики с самодельными электрогитарами, электроорган и раздолбанное пианино. На всем этом играли, не жалея рук и ушей, и комната наполнялась колдовством. Одно дело было слушать дома ужасного качества записи «Аквариума», «Кино» и «Зоопарка», и совсем другое – присутствовать, практически участвовать в шаманском обряде рождения новой песни. А для нас, желторотых школяров, все песни в тот вечер были новыми. Новыми, как и совсем неприемлемый комсомольцами анархический образ жизни, который к ним прилагался. Алекс в своих трех парах штанов и футболкой с самодельной надписью «Пора кончать» прыгал, доставая полуметровой крашеной челкой до потолка, и орал свои «Травы-муравы» или «Тут я обкакался», а я скакал рядом с ним, раскрыв рот от изумления, пуча глаза и еще не понимая, насколько серьезно мне в этот вечер снесло крышу.

Одну песню с того домашнего концерта я запомнил надолго. Ну скажите мне, что это не обэриутская поэзия:

*Я пошел на улицу – а-а.
И увидел курицу – а-а.
Я спросил у курицы – а-а.
Ты чего на улице.
Отвечала курица – а-а.
Я того на улице – а-а.
Что другие курицы,
А тоже все на улице!
Эх, курица – кукурюжица,
куррюжица – просто кряжица!
Эх, курицу, да кукурюжицу,
Да куррюжицу, да просто кряжицу!*

Вот такие это были кукурюжицы дети.

Группа Алекса называлась «Народное ополчение», и в этом глумливом названии было больше правды, чем в названии одноименной улицы. Постоянного состава в коллективе не было. В группе собрались и ополчились против серости будней самые разные представители великого советского народа. Отпетые хулиганы, интеллигенты в третьем поколении, золотая молодежь и пролетарии с «Кировского завода», бездельники, тунеядцы, талантливые музыканты, играющие невообразимую смесь футуристических жанров, которую моя совесть сейчас ни к одному известному жанру отнести не позволит. Но они тогда считали, что это панк-рок. И мы, естественно, им верили. А что? Главное – это было нагло, весело, местами смешно и зажигательно. Чем не панк-рок? Жгло уши напалмом и выжигало мозг – настоящее народное ополчение. Концертов у них в те времена априори быть не могло. Да и само их существование выглядело эдакой временной нелепостью, недоглядом со стороны строгих властей. Кстати, о строгости. Фамилия у Алекса была Строгачев. На вопрос о национальности Алекс напористо отвечал «Да!», сразу снимая всякие сомнения. При этом определить на взгляд его национальную принадлежность было совершенно невозможно. Он и на человека-то был только слегка похож, какой-то лупоглазый мальчик-инопланетянин со старческим спившимся лицом, змеящейся улыбкой и синяками под глазами, порой с двойными.

Несчастный отец этого существа был подполковником ракетных войск и идейным коммунистом, мама Генриетта Ивановна работала инженером. Какое-то время в середине 80-х Алекс жил с родителями на севере, на улице Манчестерской (или рядом с ней) – еще б ему не играть в рок-н-ролл!

Оголтелый был настоящим, а не виртуальным троллем, и он обожал троллить представителей власти.

Таких баек – сотни. Реальность в жизни Алекса Оголтелого навсегда перепуталась с галлюцинациями. А что вы хотите от существа с диагнозом «маниакально-депрессивный психоз». Фельдшер Александр Львович Строгачев действительно работал в психиатрической лечебнице два через два. Его альтер эго – плютик Алекс Оголтелый – периодически лежало в качестве пациента в той же больнице. Вот вам и Чехов с палатой номер шесть.

Алекс был ходячим мемом, когда и слова тако-го не было в помине. Он стал городской легендой, и количество историй о его безобразиях – веселых и отвратительных – просто зашкаливает. Некоторые из них напоминают городской фольклор. Что-то типа историй про злобного веселого шута, вечно пьяного и вечно оставляющего с носом тупых ментов. Оголтелый был настоящим, а не виртуальным троллем, и он обожал троллить представителей власти. Вот, например, типичная история: сидит Алекс на поребрике перед рок-клубом. Подходит к нему мент, спрашивает:

– Ты чего сидишь на поребрике, рожа?
– А ты чего стоишь у поребрика, рожа? – отвечает Алекс и с диким хохотом убегает.

Мизансцена закончена.

Бегал Алекс, кстати, быстро. Говорил, что в детстве занимался легкой атлетикой. Может, и не врал. Но в любом случае от этого его умения зависела его выживаемость. Бегать ему приходилось часто: и от ментов, и от гопников, и от собутыльников. Иногда его догоняли и били. В случае с ментами очень помогли две вещи – психиатрический диагноз и удостоверение фельдшера из психушки. Особенно если они предъявлялись одновременно. Обычно Алекс отделялся побоями и вытрезвитель-лем, реже – «сутками» (15 суток принудительных работ). Но частенько проказы сходили ему с рук. Мне больше всего нравится история про красного коня. Надеюсь, это был тот самый пластмассовый конь на колесиках, о котором я еще раз упомяну в своем рассказе. Так вот, в один теплый летний день моральные уроды во главе с Алексом украсили игрушечного коня воздушными шариками, положили сверху баклажку с портвейном и привязали к нему самодельный израильский флаг. И с таким вот нарядным конем они гурьбой тащились по Петроградке к Петропавловскому пляжу, пока их не остано-вил доблестный милиционер, чтобы выяснить, что это за хрень. Алекс, одетый в костюм-тройку два-дцатых годов, купленный за трешку у старушки на Апрашке, выглядел на редкость внушительно. Тем более что костюм был на три размера ему велик.

Ближайшее метро к нему было «Площадь мужества», которую циничные панки-пересмешники именовали не иначе как «Площадь мужеложества». Учась на первом курсе, я пару раз ездил к Алексу в гости и возил своих новых друзей посмотреть на это чудо света. Вспомнить эти совместные тусовки нет никакой возможности, настолько мы были постоянно вусмерть пьяные, но вот что я отлично помню, так это его отца, который, открыв нам дверь, каждый раз настойчиво, но напрасно пытался уберечь нас от общения с сыном.

– К Саше? Да вы знаете, кто он такой? Он... – Старик (тогда для нас любой человек за сорок) отчаянно потрясал в воздухе рукой со свернутой трубкой газетой «Правда». – Идите лучше отсюда поскорей.

Мы знали. Отец Алекса тоже знал и пытался нас спасти. Но было поздно. За его спиной нарисовывался лютый карлик-клоун, и мы с ним уносились в неведомые синие дали пропивать наши честные стипендии.

У Алекса было начальное медицинское образование. Одно время он работал санитаром, а может, даже фельдшером на скорой помощи. Недолгое, к счастью. Пока его с треском не выперли за то, что он пристрастился к баллонам с веселящим газом, служившим благим целям анестезии. Пока скорая мчалась на вызов, Алекс приводил себя в форму, тайком неоднократно припадая к вожделенным баллонам. Выскакивал из машины, как резиновый мячик, с носилками под мышкой и шприцем в руке, он без всякого лифта обгонял врача и, врываясь в квартиру к пациентам, кричал что есть сил:

– Где больной? Кто больной?

Рассказывают, что некоторые старички и старушки при виде оголтелого санитаря, вращающего глазами, мгновенно выздоравливали. Но чудодейственного Алекса все равно уволили. Не уверен, правда, что это реальная история, а не байка, рассказанная Алексом или придуманная его многочисленными собутыльниками.

Круглая металлическая оправа очков и пионерский галстук добавляли ему внушительности. Остальные отщепенцы тоже выглядели так, словно только что сбежали с арены цирка. Дедовские пиджачины, отцовские туфли с отбитыми каблуками, узкие галстучки, самодельные значки, крашенные шевелюры, наглые рожи в узеньких черных очках – в Рязани, откуда он недавно перебрался в Ленинград, таких зверюг не водилось.

– Так. Стоять. Кто вы такие и куда следуете?

– Ну вот и все! – радостно поприветствовал Алекса на своем птичьем языке. – Да ладно! Вы что, не знаете? Стыдно, товарищ сержант! Плютики не потерпят! Сегодня национальный еврейский праздник купания красного революционного коня. Вот так! Мы – евреи. Ведем коня купаться. Ясно?

Все было настолько нелепо, что страж растерялся. Плютики? Евреи? Коня? Милиционер дал слабину. Напористость Алекса заставила его на секунду замешкаться, засомневаться в себе. Раз они так нагло себя ведут, может, им, этим «плютикам», правда, разрешили. Праздник, все такое. Тем более что он уже точно когда-то что-то слышал про красного коня. Революционного! Стоит ли с ними связываться? Может, пропустить? И пока милиционер выходил из ступора, процессия невозмутимо двинулась дальше. Кузьма Сергеевич нервно ворочался в гробу. Акционизм в чистом виде, не правда ли?

Грустно, но в историях про Алекса отдельное большое место занимает туалетно-фекальная тема. Байки о том, как Алекс бросался своим говном (в портреты членов политбюро в школе, в прохожих, ментов и т. д.), я пересказывать не буду по двум причинам: мне это отвратительно и я с этой его стороной, к счастью, никогда лично не сталкивался. Если все это правда (а скорее всего, правда), то это наверняка связано с его психическим диагнозом – любой психиатр вам это подтвердит. Так что не знаю, было такое или не было, врать не хочу.

Зато я точно знаю, что Алекс был законченным клептоманом. Хотя в данном случае это неактивное определение. Клептомания – болезнь, и больные страдают от нее, а Алекс был прожженным ворихой и совершенно не мучился совестью от этого. «Совесть – это грустная повесть, где страницы черные перемежаются с белыми», – писал в то время мой приятель панк-поэт Макс Васильев. Так вот, это не про Алекса. В его повести все страницы были белыми.

Помню, как они с Колей Михайловым притащили мне альбом Босха, как уверял Алекс – его Босха,

и втяхали мне за три рубля. Я очень уважал старинного Босха. Но мне пришлось отдать его Саиду, Игорю Сайкину – первому барабанщику «Подряды», когда он с удивлением обнаружил своего Босха у меня на полке. К этому времени Алекс уже успел взять «почитать» у меня пару книжек и «послушать» пару дисков. Он вообще был меломаном и постоянно покупал-продавал диски, если не мог спереть. Замечательную историю про Алекса мне однажды рассказывал Витя Сологуб (хотя, возможно, это был Гриня Сологуб, но точно один из двух братьев Сологубов), которому Джоанна Стингрей из Америки привезла как-то в подарок фирменную косуху. По случаю приезда Джоанны у Вити (или Грини) дома происходила грандиозная тусовка, на которой блистал и наш вертлявый лупоглазый герой. В один прекрасный момент Витя (или Гриня) решил похвастаться курткой – а ее и след простыл. Как так, все бросились ее искать. Но больше всех возмущался и активничал Алекс Оголтелый. Носился по квартире, как пограничная овчарка, разрывая шкафы и заглядывая во все углы, с подозрением поглядывал на гостей и советовал Вите (нет, наверное, все-таки Грине) обыскать их всех с пристрастием. Весь этот цирк продолжался, пока кто-то не заметил, что носится Алекс по квартире в своем всепогодном пальтишке. Под которым немедленно и была обнаружена пропавшая косуха. Конфуз-конфуз? Да, но конфуз, который никак не повлиял на отношение тусы к Алексу. Хуже относиться к нему уже было нельзя. Все знали, что он за фрукт.

Панкер рассказывает: бегут они втроем с Пиночетом и Алексом к автобусу. Авоська с бухлом в руках у Алекса. Панкер с Пиночетом заскакивают в икарус и держат раздвижные двери. Оголтелый запрыгивает на первую ступеньку, автобус трогается, друзья отпускают двери, Алекс выпрыгивает обратно на улицу, двери закрываются. Изумленные панки в отходящем автобусе с изумлением следят за убегающим товарищем. Алекс бежит вприпрыжку, размахивает авоськой и радостно кричит:

– Кидалово! Кидалово!

Такой уж это был клоун ада. Ничего другого от него и не ждали. Это же Оголтелый. Он жил на арене, превращая и свою, и чужие жизни в абсолютный дурдом. Его нельзя было уважать, тяжело любить, но не восхищаться его кипучей энергией и запредельной эксцентричностью порой тоже было сложно. Алекса никогда не посылали за бухлом, потому что он никогда не возвращался. А зачем? Схватить и убежать – это же весело. Веселье – это был единственный критерий, предъявляемый Алексом к жиз-

Совершенно
безнравственный
тип, поставивший
саморазрушение во главу
угла своей жизни, многие
поступки и слова которого
вызывали у меня полное
неприятие, брезгливость
и отторжение, – Алекс
в то же время умудрялся
оставаться смешным
и притягательным, как
опасная квинтэссенция
безграничной свободы
и безудержного веселья.

ни. И любые средства для достижения этого веселья считались приемлемыми. Алекс иногда выходил из дурдома, дурдом из Алекса – никогда. И свою жизнь, и свое творчество он полностью подчинил этому постулату. Выносит всех – так звучало определение любого удачного действия, и Оголтелого совершенно не смущало, что он при этом выглядел в глазах окружающих последним говном. Человек-говно стал одним из его амплуа. Да и человек ли он был вообще? Я очень сомневаюсь. Представьте себе гигантского человекообразного тушканчика или огромного лемура-долгопята, скачущего с выпученными глазами, – разве вы будете обижаться, что он у вас что-нибудь стащил или кидался фекалиями?

Так кем же он был: отвратительным подонком, бессовестным фриком, талантливым эксцентриком или чудаковатым харизматиком? И тем, и другим, и третьим, и четвертым. Совершенно безнравственный тип, поставивший саморазрушение во главу угла своей жизни, многие поступки и слова которого вызывали у меня полное неприятие, брезгливость и отторжение, – Алекс в то же время умудрялся оставаться смешным и притягательным, как опасная квинтэссенция безграничной свободы

и безудержного веселья. Он был как панк-песня: бодрый, коротким, брутальным, шокирующим произведением.

Все подонки хотели дружить с Алексом. Ну или хотя бы потусоваться с ним. Накурить Оголтелого. Выпить с ним.

Алекс любил выпить. Каждый, кто наливал ему, был Алексу друг. Но это не очень хорошо сказывалось на качестве записи песен. И однажды перфекционист и трезвенник Федя Бегемот запретил Алексу приходить на запись пьяным. Не пушу – и все тут. И что же? Алекс стал приходить кристально трезвым. Но вот какая странность. Федя стал замечать, что минут через десять после прихода Оголтелый – опять в дрова. Веселый, синий, поет и играет не в ноты, чем сам очень доволен. Но как же так? Оказывается, Алекс приходил к Федькиной квартире с бутылкой виниша, винтом заливал ее прямоком в горло и тут же звонил в дверь – так что заходил он еще трезвый, как стеклышко. Как Федя и просил. Ну что с таким находчивым плютиком можно было поделаться?

Как ни странно, у Алекса при всем при этом появилась семья. Какая-то жаба (любая девушка для битничков), по словам Бегемота, решила, что «круче плютика ей не найти» (согласен на сто процентов!!!), вышла за Оголтелого замуж и даже родила ему сына. Помню, как приезжал к Алексу в гости в Купчино на улицу Белы Куна, где он жил счастливой семьей с женой Мариной и сыном Никитой. Его сыну было годика два-три. Мальчик выехал мне навстречу в прихожую на красном пластмассовом коне на колесиках (том самом) и тут же неуклюже завалился вместе с ним набок.

Естественно, семейная идиллия Алекса просуществовала недолго, и он вернулся к своему дикому образу жизни. В начале десятых годов этого века я случайно нашел в сети фото сына Алекса – Никиты Строгачева. С нее на меня глядел мускулистый красавец. Окончил институт, не курит, не пьет. Так что все там в порядке, я надеюсь.

В 1987 году, в июне, я, младший сержант Советской армии, сбежал в самоволку на фестиваль Ленинградского рок-клуба, который проходил на сцене ЛДМ. Все было здорово. И «Ноль», и «Телевизор», и скандальное выступление Свины. Но веселее всего было, когда какая-то сволочь на балконе в паузах между песнями голосом Левитана громогласно вещала:

– По товарищам картечью – огонь! Ур-ра!

И весь зал покатывался со смеху. Кто был этот шутник? Конечно, Алекс.

Перестройка подарила панкам сцену. И «Народное ополчение» стало полноценным гастролирующим коллективом. И не только по СССР. «Народное ополчение» на волне интереса к экзотическому советскому панку прокатилось с концертами по всей Европе – Швеция, Дания, Германия, большие фестивали и лучшие клубы. В группе тогда собрались отличные музыканты: Микшер, Снегирев, Мотя. С хорошими музыкантами неожиданно стало ясно, что у Алекса есть слух. Почти идеальный слух. Нот в его песнях было немного, но попадал он в них с ходу и в любом состоянии.

Оголтелый принарядился. Забросил свои мешковатые костюмы и кеды. Стал ходить в кожаных штанах, косухе и казаках. Набил себе татуировки у Лени Писи-Черепя. Ну, то есть стал настоящей кондовой рок-звездой. Помню Алекса во дворе рок-клуба с какой-то смешной, влюбленной в него шведкой. А как было не влюбиться в эти пятьдесят килограммов лупоглазого бешенства, скачущих зайчиком на сцене и бойко выпеваящих на одной ноте:

*Тарарурам-пум-пам-парам,
у нас огромная страна!
Тарару-рам-пум-пам-парам,
поднимается она!*

Конец 80-х – расцвет русской панк-культуры, лучшие ее годы – «Гражданская оборона» Егора Дохлого, «Народное ополчение» Алекса Оголтелого, «Бригадный подряд» Коли Михайлова и Юры Соболева, «Автоматические удовлетворители» Свина, «Объект насмешек» Рикшета. Единственный, кто не вышел на сцену, был Федька-Кот Бегемот-Лавров. Его надолго сломали и испугали гэбэшники после их феерического, совместного с Алексом проекта под названием «Отдел самоискоренения» с песнями «Войны для воинов» и «Праздничек». Представьте себе андроповское время, людей вяжут на улицах просто за непохожий на общую серую массу вид (Алекса винтили почти каждый день, но отпускали – кому он нужен со своей справкой), а эти охреневшие чертилы распространяют магнитоальбомы с песнями про Рейгана и Андропова.

Совсем страх потеряли. Гонка вооружений им не нравится. Слава КПСС, комитетчики долго терпели. Может, им даже (как мне) нравились песни из прошлых альбомов Алекса, типа:

*Серая шинель
Догоняет меня.
Стой – она кричит.
А то стрелять буду я!*

Или вот моя любимая:

*Звери добрые придут ко мне,
Чтобы рассказать мне о вине.
Кошка крикнет – мяу,
А собачка – вау.
А я им отвечу – аа-ау-ау-ау-ау.*

Может, они вообще были настоящими меломанами и ценителями панк-психоделии, эти комитетчики и готовы были простить Алексу и Бегемоту все их антисоветские эксперименты как единственным представителям этого жанра. Может быть. Только вот про генерального секретаря-то зачем петь? Еще так грубо, неделикатно. Пели бы себе на здоровье про американского президента. А тут еще какой-то знакомый музыкантам морячок этот альбом про Рейгана и Андропова собрался вывезти в Забугорье. О чем наивный морячок безответственно протрещался по телефону. Тут уж терпенью «кровавой гедни» пришел конец, и борзых панк-рокеров дружно вызвали на допрос в Серый дом на Литейном. «Кровавые гэдэшники» позднего СССР, конечно, выглядят утонченными гуманистами по сравнению с нынешними стражами демократически выбранной власти. Сейчас ребятишкам за такие песни, как пить дать, впаяли бы реальные или хотя бы условные сроки, как преступной группе, призывающей к смене власти, и кислород бы перекрыли навсегда. Ну а сначала бы немного попытали для порядка.

А тогда добрые комитетчики ограничились «задушевной» беседой. Очень жесткой задушевной идеологической беседой. Показали ребятам их фотографии и тексты песен, дали послушать их телефонные разговоры, заставили подписать бумаги об отказе от антисоветской музыкальной деятельности. Феде этого хватило, чтобы надолго прекратить панк-пропаганду. У Алекса мозга не было. С него все сошло, как с гуся вода. И уже через пару лет он выбрался из подвала на сцену и скакал там с лохматыми наклеенными бровями в память о последнем большом вожде, скандируя «Брежнев – жив!». Гнал в народные уши свою жизнерадостную джамбу:

*У – джамба-ю! Чам-папара-пара – Брежнев!
У – джамба-ю! Чам-папара-казачок!
Тара-рурай-рум – Горбачев!*

Пофиг ему было, что страной уже рулит Горбачев. Алекс жил в образе Брежнева и пел о том, что в стране ничего на самом деле не изменилось. Кроме декораций. У кормила стоят те же яйца, только в профиль. И он ведь оказался прав. Вот она, сермяжная правда убогого юродивого.

Летом 88-го я вернулся из армии в дивный новый мир, где теперь все перевернулось с ног на голову, а людей пока еще не мочили на улицах, и мы отправились с моим дружкой Димкой Бабичем (тогдашним басистом «Бригадного подряда») в Киев – просто оттянуться и заодно наладить связи с местной рок-тусовкой. Познакомились мы там с Колей Ежовым, местным рок-функционером, печальным симпатичным парнем семитской наружности. Коля познакомил нас с «Воплями Видоплясова», только что победившими на местном фестивале, а мы его в отместку познакомили с райской музыкой «Подряда» и «Ополчения». Хотели забить им совместный концерт в Киеве. Рассказали о новых альбомах этих фантастических групп. Поставили песни. Алекс вопил из кассетника благим матом. Качество записи было ужасное. Слова разобрать было сложно.

– Как, как, вы говорите, называется этот альбом? – с интонацией ослика Иа переспросил меня напрыгавший Коля, долго силившийся понять, что же там орет Алекс.

– «Брежнев – жив», – повторил я.

– Ах, Брежнев – жид. Понятно. Знакомая тема. – Болезненная гримаса отразилась на лице тугухого Ежова. Он тяжело вздохнул: что ж, альбом с таким названием может быть у нас очень популярен.

Пришлось его расстроить, после того как мы с Бабичем закончили смеяться. Он расслабился и даже посмеялся вместе с нами. Но совместный концерт «НО» и «БП» так и не состоялся. Ни в Киеве, ни где бы то ни было еще, ни тогда в золотом, ни в новом времени.

Когда я в конце 90-х случайно реанимировал спящий летаргическим сном «Подряд», «Народное ополчение» уже превратилось в совершенно маргинальный проект. Они изредка играли по маленьким клубам, и былой лихости в Алексе уже не было. Его прекрасные музыканты разбежались, кто в шоу-биз, кто в новомодные музыкальные проекты. Потом и сам Алекс исчез с радаров на долгое время. По его рассказам, какой-то период по-настоящему бомжевал. Скатился на самое дно. Сорокалетний синий Джокер-бомж был уже далеко не так харизматичен, как двадцать лет назад. Но все это не отражалось на живости блестящих вычурных глаз Алекса при каждой нашей встрече. Они все так же светились инопланетной энергией на сером старушечьем лице.

Поэтому я не пошел на его похороны в 2005 году. Невозможно было представить, что эти бешеные глаза потухли из-за недолеченых последствий

автомобильной аварии. Невозможно было представить, что адский петрушка больше не будет скакать по сцене, распевая:

*Нет больше героев –
Остались одни дураки!*

Все так, Алекс! Все так, ваше оголтелое величество.

На этом я собирался закончить свое лихорадочное эссе, но Панкер тут вспомнил, как на похоронах у Свины в крематории «бабушка» Алекс обходил всех знакомых битничков, стоящих в зале прощания у гроба его друга, и, прикладывая руку к их ушам, силно шептал, стараясь не прыснуть от смеха:

– Главное – что не мы! Главное – не мы!

Шутка казалась ему ужасно смешной. Алекс перешел Свина на пять лет.

(Свинья прожил 38 лет, Коля Михайлов – 39 лет, Горшок – 39 лет, Алекс – 43 года, Рикшет – 43 года, Егор Дохлый – 43 года.)

ТАЛАНТЛИВЫЙ КОТ МАЙК

Игорь Панкер Гудков – смешной чувак. И домашние животные у него тоже смешные. Вот, например, был у него кот Майк. Назвал его Панкер в честь Майка Науменко, естественно. Своего покойного дружка. Что такого плохого сделал Майк Панкеру, не знаю. Вот Цой у него невесту увел. Логичнее было бы домашнюю скотинку Виктором назвать и держать на одной валерьянке. Или Свином в честь еще одного своего покойного дружка. И раскормить кота до безобразия. Но это моя черная логика. А Панкер, он чел насквозь светлый, добродушный до безобразия, только вот добродушие свое умело маскирует.

Но речь не о нем, а о его коте Майке. Я с ним познакомился достаточно поздно: Майк уже пребывал в солидном пенсионном возрасте. Но зато я много слышал от Панкера, какой его кот замечательный и как любит своего хозяина. Правда, последнее время любовь Панкера переключалась к Европе, молодой сучке стаффордширского терьера, от которой бедному Майку то и дело доставалось. Так вот: возвращаюсь я как-то летом с друзьями на машине с рыбалки из гостеприимной Финки, и звонит мне жена. Ну я, как всегда, на заднем сиденье в обнимку с двумя добродушными голден-ретриверами Юкси и Дивой. Нежно сгребая их с себя, дотягиваюсь до телефона и узнаю приятнейшую новость.

– Ты только не ругайся. Панкер улетел пузо греть на юга, а нам своего кота подкинул на недельку.

Кот – обалденный. Он к нам со своим персональным туалетом приехал.

Ну а чего ругаться-то? Если б я мог дотянуться до Панкера, прибил бы. А ругаться не конструктивно. Тут надо пояснить. Я животных очень люблю. Всяких, разных и даже чужих. Но у жены моей с давнего времени развилась астма, реагирует она на шерсть, и мы никакую животину в доме держать не можем. Отчего мы сначала очень страдали (пришлось даже спаниеля нашего тестю с тещей отдать), а потом завели пару аквариумов с «попугаями» и успокоились. Панкер все это знал, но воспользовался тем, что меня в городе не было, а добросердечная Оля котуку отказать не смогла.

Котик оказался размером с карликового бегемота: серый, почти голубой, пушистый, круглоголовый, с желтыми плоскими глазами, классический разевшийся пожилой британец с вислым пузом, типичный Майк. Но на Науменко совершенно не похожий. Даже в исполнении Ромы Зверя. Хотя я тогда о возможности такого святотатства даже не задумывался.

Единственное, что роднило Майка с его именитым тезкой, – мурлыканье. Любил он это дело. Не то чтоб он нам все время пел «Ты дрянь», но слышно его было постоянно. То он требовал еду, то просто урчал от удовольствия. Но начну по порядку.

Я пришел весь пропахший рыбой, еще и притащил с собой трудовую дуру-щуку на пять кило. Зараза сломала мой спиннинг и чуть не перевернула лодку с двумя упитанными Антонами.

Майк полюбил меня с первого взгляда. Вернее, с первого нюха. Я пришел весь пропахший рыбой, еще и притащил с собой трудовую дуру-щуку на пять кило. Зараза сломала мой спиннинг и чуть не перевернула лодку с двумя упитанными Антонами. Но при помощи силы воли, судорожных движений и подсака была водворена в лодку и привезена домой. Майк просто с ума сошел, когда ее увидел. Но сначала он увидел меня и полюбил. Ну и стал мне эту любовь всячески демонстрировать. Хвост задирать, тереться об ноги, что сильно мешало мне передвигаться по квартире (пару раз я даже упал), и глядеть на меня влюбленными глазами, блаженно мурча. Жена моя даже обиделась. Она Майка уже несколько дней обихаживала, но перед ней он так не стелился. И перед сыном нашим не выдвельвался. Только передо мной.

Оно и понятно, почувствовал хозяина, который и выставить может. Или Панкер его дома так вымуштровал, не знаю. Только Майк проходу мне не давал. Куда я, туда и он. Только успевай двери туалета перед ним закрывать. Я на диване с ноутом лежу, Майк у дивана урчит: «Я обычный парень, не лишен красоты, я такой же, как он, я такой же, как ты» ну или «страх-трах-трах-трах в твоих глазах». На кошачьем урчит, непонятно ничего. И на том спасибо. Хорошо, днем, допустим, я к этому урчанию привык. Тем более что мяукал Майк гораздо противнее, чем урчал. Особенно когда еду требовал. Так что уж лучше так. Не в животе урчит, и ладно.

Но ночью совсем другое дело. Снится мне трансформаторная будка. Просыпаюсь с неприятным предчувствием. И что вы думаете – в миллиметре от меня сверкает в темноте влюбленными желтыми

фарами Майк, дышит рыбой мне в лицо и мерненько так мурчит: «Не пугайся, если вдруг ты услышишь ночью странный звук, это просто открылись мои старые раны». Мне такое проявление симпатии не очень понравилось. Пришлось Майка подальше унести и дверь запереть. Он под дверью мяукать начинает. Покормил его. Вроде отстал. Через пару часов опять мяукает и когтями по паркету скребет. Соскучился. И так каждую ночь. Ну, думаю, Панкер дорогой, приезжай скорее, милый друг!

Но постепенно привык. Майк и правда был милый. Подружились мы с ним. А как не подружиться с таким забавником, полным сюрпризов? Вот валяется он, как обычно, на ковре рядом с диваном, я какую-то байду по телику смотрю и внимания ему не уделяю. Но краем глаза вижу, не так что-то с котиком. Лежит на спине, лапки раскинул, голова неестественно на бок свернута. А главное – не мурлычет. Да и не дышит к тому же. Зубы оскалил, глаза закатил, розовую терочку языка из приоткрытой пасти вывалил, набок свесил. Сдох, скотина! Сердце мое остановилось, холодный пот на лбу проступил. Вскочил я, Майка ногой тихонько в живот ткнул – никакого эффекта. Дохлый кот на ковре. Чужой дохлый кот!

– Ольга, – кричу, – Майк сдох! Это ты виновата. За чем ты его вообще взяла! Что мы теперь Панкеру отдавать будем?

Ольга прибегает белее снега. Она хватается Майка за лапы, начинает делать ему искусственное дыхание, скрещивая лапы. Все зря. Она тянет его за хвост. Дохлый кот едет по коврику. Ужас!

– Что ты с ним сделал? – негодует жена. – Ты его никогда не любил.

А мне и ответить-то нечего. Жалко Майка. Аж до слез. Лежит такой тихий. Несчастный, дохлый. Лучше бы мурчал и мяукал. Всегда. Даже ночью. Жена плачет. Надо ж похоронить его теперь. Если б я знал, что кот так скоро сдохнет, не вел бы себя с ним так по-хамски. Не гонял бы из кухни и с кровати, кормил бы еще чаще. Бедный-бедный Майк. Начинаю машинально гладить пузо мертвого котика.

И тут наш покойник натурально оживает. Легкая судорога проходит по пушистому телу, и я снова слышу довольное трансформаторное мурчание. Я хватаюсь за тапку. «Дохлый» Майк резво вскакивает на лапы. Ольга виснет у меня на руке.

– Убью, – кричу я сквозь смех, – артист хренов!

Больше старина Майк нам своего трюка не показывал. Видимо, моя реакция его не вдохновила. Но я его с тех пор зауважал. Талантливая зверюга. В первый раз я увидел, как коты притворяются мертвыми, хотя в детстве постоянно жил с этими

мурчащими тварями. Старый клоун чудесно разыграл перед нами (как перед мышами) «Похороны кота» Василия Жуковского. Стоит добавить, что происходило это действие на улице Жуковского.

А еще больше я зауважал Майка после того, как за ним пришел отдохнувший и загорелый Панкер.

– Где мой котик? Где мой Майкуша? Этот упырь наверняка обижал тебя, – едва протиснувшись в дверь, стал причитать двухметровый хозяин карликового бегемота. – Иди ко мне, мой котик. Иди ко мне скорее. Поедем домой.

Но Майк (наряженный по случаю отъезда в черный бархатный бант) не торопился возвращаться домой. У него были другие планы. Сначала он испуганно попятился от Панкера в спальню, а когда тот зашел за ним следом, лохматой молнией пронесся по коридору в столовую и забился под буфет. Мы с женой от смеха тихо съехали по стенке на пол. Панкер, никак не ожидавший такого развития событий, сначала остолбенел с фирменной глупой улыбкой на лице, но собрался и, кряхтя и ругаясь, полез на четвереньках шарить длинной рукой под буфетом.

– Кис-кис-кис! Майкуша! Это же я, дурачок! Поехали домой! Что ж ты царапаешься, гад!

Тут мы узнали, что Майк умеет не только мурчать и мяукать, но еще и шипеть, фыркать и вопить. И царапаться, и кусаться. Бедный Панкер оконфузился по полной. Когда я отсмеялся, мне стало его так жалко, что вся злость куда-то ушла. Это вообще его отличительная черта. На Панкера невозможно долго сердиться. Кота он в тот раз все-таки вытащил, сунул под мышку и унес, не прощаясь. Больше он мне Майкушу не подкидывал. Боялся, что я его ему не отдам. И правильно боялся. Майка уже давно нет на этом свете, но мы часто его вспоминаем. Жутко талантливый был кот.

«Нам всем бывает нужно поплакаться кому-то в жилет, и если хочешь, ты можешь взять жилет у меня».

